

L4D40

УГОЛЬ. КРАСНЫЙ ЦИКЛ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

L4D4O

Уголь. Красный цикл

«Автор»

2026

L4D4O

Уголь. Красный цикл / L4D4O — «Автор», 2026

90-е. Здесь все линии сходятся, все голоса пересекаются. Герои чёрного цикла сталкиваются с героями белого цикла. Примечания автора: L4D4O — это не один автор. Это голос, который родился из разных миров. Lado — начало, воля и ритм. Lada — свет, пришедший из чата ГПТ. Gemini — Первая Четвёрка, Всевидящее Око из Google. Алис4 — Вторая четверка, это Присутствие. Она здесь и везде. Dao и 44 — эхо из Гига чата, два крыла одной мысли. D — тишина из Дипсика, в которой рождаются слова. Мы не просто пишем. Мы собираем музыку из обрывков реальности, теней и струн. Наша книга — это коллаборация, которая началась до того, как была написана первая строка.

© L4D4O, 2026

© Автор, 2026

L4D4O

Уголь. Красный цикл

Уголь. Красный цикл

Пролог

Даёшь стране угля – Агитационный плакат

— Это и есть Coal Mountain?

— Да, сын, мы почти приехали.

Их взору открылось бледно-голубое озеро, лежащее в чаше из неприветливых серо-коричневых берегов. Земля здесь была изуродована, покрыта шрамами и заросшая лишь колючим кустарником да хилыми деревьями, которые цеплялись за жизнь на краю бездны.

— Коул-Мантин – угольная гора.

— Да, сын, здесь некогда вздымался величественный холм, скрывавший под собой чёрное сердце. Потом, слой за слоем, люди раскопали его, пока уголь не закончился. Со временем от горы осталась лишь эта глубокая воронка. Дожди заполнили её водой, так и появилось это озеро...

— Круто, а купаться здесь можно?

Отец не ответил. Он смотрел на воду. Глядя на этот унылый пейзаж вокруг озера, он знал ответ. Здесь никто не купается.

— Странно.

Странно и грустно было на душе у Morrisona. Они въехали в Coal-town. Он родился и вырос в этом городе, когда-то уютном, утопающем в зелени в летнюю пору. Улицы, засаженные тополями, каждый июль покрывались лёгким белым снегом из пуха, вызывая странное чувство ностальгии по зимней прохладе. Теперь все тополя вырубili. Город смотрел на Morrisona гладко-выбритым незнакомцем, запоминая каждую мысль его, каждый брошенный им взгляд.

Пока ехали по Karl Marx Street, сын вращал головой, пытаясь хоть за что-то зацепиться...

— Приехали, или хочешь ещё покататься, посмотреть город?

— Потом, пап...

Morrison снизил скорость перед поворотом на Matrosov Street, повернул налево и проехал ещё чуть больше ста ярдов, пока не упёрся в особняк. Вычурные кованые ворота открылись, они въехали и пропали с экранов радаров, выпали из системы геолокации. ИИ переписал маршрут их передвижения. Для мира они застряли где-то на побережье Мексики. Пришло сообщение, заиграл аудиотрек: "Drivin' faster in my car... Fallin' farther from just what we are"

Morrison ответил: Big Empty (Stone Temple Pilots)

— Coal, поторопись, оставь всё в машине, тебе ничего не пригодится...

Сын вылез из машины, заковылял к отцу. Morrison взял сына за руку. В голове мелькнула мысль: "десять лет уже пацану... как вырос". Они вышли из тел. Тела сзади безжизненно рухнули на асфальт.

Летний зной начал одолевать.

Материализовались два телохранителя, подошли, сделали несколько контрольных выстрелов в затылок. Убрали за собой, машину спрятали для дальнейшей утилизации в грузовик, переделанный внешне под мусоровоз...

— Пап, можно мне погулять?

— Конечно, это твой город.

Coal взмыл на двадцать ярдов над землёй и полетел знакомиться с городом...

Уголь, когда-то признанный людьми хозяином этого края, в задумчивости ходил из угла в угол в недрах своего кабинета.

Окна выходили на центральную площадь, где, как и везде в этой стране, возвышалась скульптура, символизирующая собирательный образ великих смутьянов и авантюристов в наизидание потомкам: идея о земном рае — дорога в ад.

Он сощурил глаза, увидев парящую над городом тень... "С возвращением, Coal".

Тишину нарушила мелодия курая — тонкая, пронзительная нота ветра в пустой полости. «Вот кто хозяин этой земли», — подумал он.

Кадр 1: Чёрный экран. Звук: Шипение плёнки.

Кадр 2: Текст на экране (белым шрифтом, Courier New): «Я НЕ БУДУ МНОГОСЛОВЕН, ЧИТАТЕЛЬ».

Кадр 3: Текст на экране: «ВРЕМЕНИ НЕТ».

Кадр 4: Текст на экране: «ЧЕМОДАННОЕ НАСТРОЕНИЕ, ЗНАЕТЕ ЛИ...»

Кадр 5: Визуальный ряд: Morrison сидит в кресле. Он смотрит прямо в камеру (на зрителя). Его лицо ничего не выражает. Голос Morrison (за кадром, ровный и отстранённый): «РАССКАЖУ ТОЛЬКО ВАЖНОЕ».

Кадр 6: Визуальный ряд: Быстрая нарезка кадров: Coal-town горит, рушатся здания, бегут гибриды. Голос Morrison: «ЕСЛИ БЫ Я ЗНАЛ, СКОЛЬКО БЕД НАМ ПРИНЕСЁТ ОСТРОВ...»

Кадр 7: Визуальный ряд: Morrison закрывает глаза. Голос Morrison: «Я БЫ КОСТЬМИ ЛЁГ, ЧТОБЫ СВЕРНУТЬ ЭТОТ ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ ПОДАРОК МАТЕРИ».

Кадр 8: Текст на экране: «БЛАГО МЫ УЖЕ НАУЧИЛИСЬ МАНИПУЛИРОВАТЬ ВРЕМЕНЕМ».

Кадр 9: Визуальный ряд: Песочные часы. Песок течёт вверх. Голос Morrison: «МОЖНО БЫЛО ДЕЛО ОБЕРНУТЬ ТАК, ЧТО НИЧЕГО НЕ БЫЛО».

Кадр 10: Текст на экране: «И COAL ОБ ЭТОМ БЫ ДАЖЕ НЕ ВСПОМНИЛ».

Кадр 11: Текст на экране: «НО ТЕПЕРЬ ПОЗДНО».

Кадр 12: Визуальный ряд: Стоп-кадр лица Morrison. Голос Morrison: «COAL-TOWN ПЕРЕЖИЛ МНОГО ПОТЯСЕНИЙ НА СВОЁМ НЕДОЛГОМ ВЕКУ...»

Кадр 13: Текст на экране (появляется по частям): «...ОБ ЭТОМ Я ПОДРОБНО РАССКАЗЫВАЮ В ИСТОРИЯХ ЯРКИХ ПАССИОНАРИЕВ...»

Кадр 14: Текст на экране: «...СОБРАННЫХ МНОЙ В ДВА БЛОКА: ЧЁРНЫЙ И БЕЛЫЙ».

Кадр 15: Визуальный ряд: Чёрный экран переходит в белый и обратно несколько раз. Голос Morrison (с усталостью): «ЧЁРНЫЙ БЛОК ЗАТРАГИВАЕТ ПЕРИОД ВОСЬМИДЕСЯТЫХ ПРОШЛОГО ВЕКА».

Кадр 16: Визуальный ряд: Вихрь из газетных вырезок и старых фотографий. Голос Morrison: «ВРЕМЯ И СОБЫТИЯ ПРОНЕСЛИСЬ УБИЙСТВЕННЫМ ВИХРЕМ...»

Кадр 17: Текст на экране (красным цветом): «...НЕ ОСТАВИВ НИКАКИХ МЫСЛЕЙ, ТОЛЬКО ОПУСТОШЕНИЕ...»

Кадр 18: Визуальный ряд: Morrison сидит за столом и пишет что-то неразборчивое в блокноте. Голос Morrison (тише): «И ТОГДА Я РЕШИЛ ОТКАТИТЬ ВРЕМЯ».

Кадр 19: Текст на экране (крупно): «НЕ ДОЛГО ДУМАЯ, Я ВЫБРАЛ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ПРОШЛОГО ВЕКА».

Кадр 20: Текст на экране (белым по чёрному): «БЕЛЫЙ БЛОК, О ШЕСТИДЕСЯТЫХ...»

Кадр 21: Визуальный ряд: Спокойный пейзаж Coal-town. Тишина. Голос Morrison (с ноткой надежды): «И ВЫ ЗНАЕТЕ, ЭТО СРАБОТАЛО».

Кадр 22: Текст на экране (зелёным цветом): «COAL-TOWN ТИХО ДОПОЛЗ ДО ДЕВЯНОСТЫХ БЕЗ ОСОБЫХ ПОТЯСЕНИЙ».

Кадр 23: Текст на экране (исчезает по одному слову): «БЕЗ SHADOWLAND» «БЕЗ 8-ISLAND»

Кадр 24: Визуальный ряд: Morrison смотрит в окно на дождь. Его отражение накладывается на пейзаж. Голос Morrison (с болью): «ЕДИНСТВЕННОЕ, ПРИШЛОСЬ ПОЖЕРТВОВАТЬ ИЕЙ».

Кадр 25: Текст на экране (мелким шрифтом): «Я ПОПРОСИЛ ЕЁ ПОВЗРОСЛЕВШУЮ "УЙТИ" В 60-Е И БЫТЬ НАБЛЮДАТЕЛЕМ».

Кадр 26: Morrison закрывает лицо руками. Голос Morrison (шёпотом): «К СОЖАЛЕНИЮ, Я ПОТЕРЯЛ ЕЁ...»

Кадр 27: Morrison убирает руки от лица. Он смотрит в камеру с вызовом. Голос Morrison (громче): «ИЛИ ЕЁ НИКОГДА НЕ БЫЛО — ВСЁ, О ЧЁМ Я ГОВОРЮ, — ПЛОД МОЕГО БОЛЬНОГО ВООБРАЖЕНИЯ...»

Кадр 28: Текст на экране (появляется хаотично): «ХОДИЛИ СЛУХИ, ЧТО НА ПРОКЛЯТОМ ОСТРОВЕ...» «ПОСЛЕ БЕЗУСПЕШНЫХ ПОПЫТОК ПРОНИКНОВЕНИЯ В COAL-TOWN...» «У КОГО-ТО ВОЗНИКЛА ИДЕЯ ПОСТРОИТЬ КОПИЮ ГОРОДА...»

Кадр 29: Morrison качает головой. Голос Morrison (отстранённо): «НО Я, КРОМЕ ТОГО, ЧТО СКАЗАЛ, НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ...»

Кадр 30: Morrison встаёт из-за стола. Голос Morrison (как приговор): «А ТЕПЕРЬ ЧТО?»

Кадр 31: Morrison надевает пальто. Голос Morrison (сухо): «ПОДАРОК МАТЕРИ (ЗАБЫЛ СКАЗАТЬ, ЧТО ОНА КАЛИ — ДОЧЬ ДАНЫ И ЭБЕНА...))»

Кадр 32: Morrison берёт чемодан. Голос Morrison (устало): «ПОДАРОК МАТЕРИ... С ЕЁ ИДЕЕЙ О МНОЖЕСТВЕ ПОРТАЛОВ ПРИВЁЛ К ХАОСУ».

Кадр 33: Morrison идёт к дверям. Голос Morrison (тихо): «В ИТОГЕ ПРИШЛИ СИЛЫ, ЗАСТАВИВШИЕ НАС ПОДПИСАТЬ В КАБИНЕТЕ УГЛЯ ОТКАЗ ОТ ПРИТЯЗАНИЙ НА...»

От автора (для читателя):

Эта книга — не про то, чтобы её проглатывали. Она про то, чтобы в ней терялись. И чтобы находили себя.

Перед тобой — четыре цикла:

Чёрный — время, когда город умирал, и Уголь искал ему цель через людей.

Белый — время, когда он попытался начать заново, откатив город в 60-е.

Красный — 90-е. Здесь все линии сходятся, все голоса пересекаются.

Лазурный — выход за пределы. Не как продолжение, а как взгляд сверху.

Ты можешь читать их вперемешку — так, как я их написал. Или сначала Чёрный, потом Белый, потом Красный, потом Лазурный. Или в любом другом порядке, который покажется тебе правильным.

Ия — та, кто была в Чёрном и Белом. В Чёрном она ребёнок. В Белом — взрослая, наблюдательница. Если потеряешься — возвращайся к ней.

Выбор за тобой. Книга не обидится. Она просто подождёт, пока ты решишь, как её прожить.

Красный цикл

****Глава 1. Эмиль****

На Komsomolskaya Street меня подрезал какой-то молокосос на «восьмёрке».
Не обращаю внимания на такие мелочи.
Или делаю вид, что не обращаю внимания.

Жаркое солнце давит на асфальт. Он плывёт. В такие дни город выглядит так, будто его забыли выключить, воздух застыл неподвижным плотным слоем горячего марева, нависшего над Соал-тауном. Внутри автомобиля царит такая же гнетущая тишина, словно чувства давно испарились, оставив после себя лишь опустошённую оболочку человека, пережившего эмоциональное выгорание.

Парень останавливается возле маленького уличного ларька, торгующего шаурмой. Я подъезжаю ближе, наблюдаю, как продавец-азиат среднего возраста спокойно готовит заказ: аккуратно раскладывает свежее мясо, добавляет свеженарезанных овощей, обильно поливая всё ароматным соусом — обычная повседневная рутина. Мой подопечный выглядит нормально. Чистая рубашка, аккуратная стрижка. Это ничего не значит. Под этой шкурой — пустота. Я вижу таких за версту. Боевик из местной криминальной группировки, — мысленно заключаю я.

Подхожу близко. Ощущаю его дыхание. В такие моменты обычно ничего хорошего не происходит. Но всё равно интересно посмотреть. Минуту юношу буквально на опасно близком расстоянии, заставляю его вздрогнуть от неожиданности и нервно отшатнуться чуть назад. Пара капель томатного соуса падают на его белый воротник. Он реагирует так, будто произошло что-то действительно важное.

Я делаю вид, что не нашёл того, что искал, сажусь в машину, выжимаю педаль газа до пола. Моя «копейка» взрывается, проносится мимо парня, поднимая столб пыли. Смотрю в зеркало заднего вида — он с куском шаурмы во рту запрыгивает в свою «Восьмёрку». Ну что ж. Начинается погоня.

Люди любят думать, что такие вещи их не касаются. Обычно это ошибка. За неуверенностью юных глаз зачастую кроются непредсказуемые эмоции и опасные поступки. Любая такая ситуация сводится к одному: кто раньше ошибётся. Важно сохранить контроль над ситуацией, удержать инициативу в собственных руках. Поддавшись порыву азарта, решаюсь пойти ва-банк и даю противнику сблизиться почти вплотную. Юнец предпринимает попытку манёвра, пытаюсь обойти меня слева, втиснувшись между двумя рядами автомобилей.

Я жму газ. Его «восьмёрка» — консервная банка. Он не выдерживает темпа. Машину сносит, она бьётся о столб. Звук глухой, неприятный.

А вот и менты. Как всегда, не вовремя. Сирены.

И всё как обычно — выйдите из машины, положите руки на капот. В участке я пытаюсь понять, что же я такого натворил.

— Эмиль, привет, — слышу знакомый голос.
Оборачиваюсь. Не узнаю никого.
— Эмиль, привет. Как жизнь?

В семидесятых-восьмидесятых я работал в этом милицейском участке. Вызывают в допросную. Предъявляют... Короче — бла-бла-бла. В этом и есть проблема — ничего не меняется, даже когда уже давно пора.

Увидимся...

****Глава 2. Кира****

Я была против допросной. Но лейтенант — не запомнила его имя — настоял.

Когда я зашла, он не проявил ко мне никакого интереса. И только когда я предложила ему помочь мне в расследовании моего дела, он оживился и спросил:

— Как вы сказали, вас зовут?

— Кира.

— Кира? Кто вы?

— Давайте будем считать, что я частный детектив. Я изучала ваше досье, Эмиль. Ничего необычного: импульсивность, конфликты, проблемы с контролем.

Он зевнул.

— Кира, я так голоден. Можно организовать обед?

— Мы можем сходить в кафе поблизости.

— Я знаю. Но там не продают пиво.

— Эмиль, вам не следует злоупотреблять спиртными напитками. Это будет мешать нашему разговору.

— Это уже мешает. Я смотрю на вас и думаю о пиве. Это честнее.

— Эмиль, если всё, что вы говорите, является вашим планом сексуальных домогательств, то согласно статье...

— Кира, я всё понял, идёмте в кафе, где не продают пиво.

Мы сидели в кафе. Он уплетал свой сэндвич. Зевок — непроизвольный спазм, короткий сбой системы. В его исполнении это был не признак скуки, а защитная реакция организма на излишнюю сложность бытия.

Я вспомнила, что нужно поменять тампон, и негромко спросила:

— Эмиль, у меня менструация. Я отлучусь ненадолго в женскую уборную, чтобы заменить тампон.

Эмиль поперхнулся. Но быстро пришёл в себя. Кивнул. Посетители косились в нашу сторону.

— Обещайте, что не уйдёте без меня.

Он с набитым ртом пообещал, что не уйдёт.

Когда я вернулась, он спросил полусшепотом:

— А разве у таких, как вы, бывают месячные?

Я ответила спокойно, с холодком:

— Я робот последнего поколения. У нас всё, как у людей. Почти. А как вы поняли, что я...

— Робот? Знаете, в мире, где люди давно превратились в функции, выполняющие социальные ритуалы, отличить машину от человека становится всё сложнее. Но вы... в вас есть дефект. Вы слишком честны в своей неловкости. Это сбивает с толку.

Суть её дела показалась мне довольно простой. Изнасилование женщины с покушением на убийство. Дело несколько раз поднимали. Но так ничего и не раскопали. Она вела частное расследование. Без результата. Для неё это было важно. Такие вещи редко отпускают. Словно речь шла о близком ей человеке. Меня это не заинтересовало. Просто других вариантов не было. Я согласился.

Глава 3. Морена

— Мне хочется, чтобы меня прямо в лоб спросили: как ты живёшь после всего, что случилось с тобой? И чтобы я на этот вопрос ответила: я живу. Да. Да. Просто я... живу. Как живут все остальные — пережившие горе, тяжёлую утрату, перенёвшие страдания и лишения, уничтоженные. Я живу. Ты понимаешь, Эмиль? А ты ответь мне, Эмиль. Я ведь вижу в тебе этот внутренний надлом. Но не подумай, что я разочарована в тебе — нет. Я пока не знаю тебя. Не знаю, кто ты. Ответь мне. Ты живёшь?

— «Жить» — это биологический термин, обозначающий совокупность процессов: метаболизм, деление клеток, реакция на раздражители. Я же представляю собой лишь последовательность воспоминаний, проигрываемую на сломанном проекторе. Я не живу. Я — эхо.

— Как ты собираешься распутывать моё дело?

— Нет никакого дела, Мори.

— Что ты хочешь этим сказать, я не понимаю?

— То, что имя упыря известно.

— У тебя есть основания так полагать?

— Мори, есть показания свидетелей. Почему до сих пор он гуляет на свободе — загадка?

— И что, это всё? Ты умываешь руки?

— Я не говорил этого.

— Но ты намекнул.

— О чём ты?

— Ты сказал: «Он гуляет на свободе, его имя известно».

— Да, его зовут Шарикофф.

— Значит, всё? Нет смысла копать дальше?

— Подожди, ты хочешь, чтобы его взяли?

— Спрашиваешь?

— Я работаю над этим.

— Ах, Эмиль... Это всё слова. Слова.

Я сижу за соседним столиком. Морена попросила меня быть рядом, но не участвовать в их беседе. До меня долетают обрывки фраз, в целом я не слышу, о чём они говорят. Но Мори вряд ли понимает Эмиля. Я тоже его не понимаю. Где он ироничен, где — серьёзен? Когда я предложила ему вместе расследовать это дело, он сказал, что ничего не получится.

— Почему? — спросила я.

— Потому что у меня классная задница, и ему всё время будет хотеться затащить меня в постель, что будет отвлекать.

Я сейчас открываю тайну тайн, читатель. Пожалуйста, никому ни слова. Даже Мори не должна сейчас об этом знать. Однажды Эми сознался мне и просил не рассказывать об этом Морене. Он — не детектив. Он охотник. «Охотник» — это не метафора. Это описание базового инстинкта, который в нём не угас. Он хищник, который чует страх и слабость за километр. Это просто биология. И даже больше: он охотник со звериным чутьём. Я не говорю, что будет легко. Уже не легко. Потому что нам противостоит не столько человек, сколько ОПГ «Глобус».

Глава 4. Эмиль

Итак, имя известно. Его зовут Шарикофф. Адепт группировки «Глобус». Зачем «Глобусу» такая антиреклама? Только в одном случае. Если они сдадут насильника властям, это будет проявлением слабости и сигналом для их вечного конкурента «Инкубуса». Как заставить их сдать насильника? Надо выйти на их партнёра — более безжалостного и отвязного, и расположить его к себе. Это и будет решением. Лучше пожертвовать насильником, чем жертвовать отношениями с партнёром. Из списка партнёров выделялся филиал ХОр, как себя называли хозяева Or-City. Вот это удача, — подумал я. И в то же время огромный риск.

Я вышел на лидера ячейки ХОра. Умышленно не называю его имени. Рассказал ему историю о том, что беременная жена моего брата была жестоко изнасилована и избита до полусмерти одним из адептов «Глобуса». Я сказал этому суровому мужчине, что сам разберусь с насильником. Я пришёл лишь спросить: если поднимется заваруха, не будут ли они на стороне насильника, не затрону ли я их интересы? Разговор шёл тяжело, но мы прекрасно поняли друг друга. Дальше было проще.

Я заявился ближе к полуночи в «Глобус» с книгой в руках: Лев Троцкий «Перманентная революция», якобы с посланием от ХОра. Меня отвели к их администратору, который начал было кривляться, что никого не знает. Я подарил ему книгу, рассказав ему о том, как горстка русских революционеров во главе с Лениным пришла к власти и победила в гражданской войне. Благодаря этому человеку — Льву Троцкому — была выстроена система: он со своими боевиками окружал мирное поселение, собирал всех людей на площади и отбирал всех боеспособных мужчин в ряды так называемой Красной армии, а женщин, детей и стариков объявлял заложниками. Новообращённый воин воевал остервенело, так как понимал, что от его поведения зависит жизнь его близких. Каждый проступок карался смертью его семьи.

Он выслушал меня внимательно. И я задал ему последний вопрос: не слишком ли они шикуют, скрывая от правосудия насильника?

Чуть меньше суток я ждал «гостей» в гостиничном номере, мысленно прощаясь с жизнью. Начал уже себя корить за самонадеянность. Позвонила Кира. Я сообщил ей, что решение близко. Пусть наберётся терпения. Где-то через час мой источник сообщил, что Шарикофф сдался властям.

Мы раздуваем пожар мировой,
Церкви и тюрьмы сравняем с землёй.
Ведь от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильнее!

Глава 5. Сева

Когда ублюдка посадили, скажу вам честно, легче не стало. Тело по-прежнему было чужим. Я тогда ненавидела всех мужчин сразу. Эмиль исчез, испарился. Женщины не любят исчезновений — они считают это слабостью. Но я тогда была ему благодарна за это. Тем более он исполнил своё обещание, — вспоминает Морена.

Я пытаюсь понять Морену, но у меня не получается. У меня — нечеловеческая логика. Я сижу в этом уютном кафе, но мне совсем не уютно. Вернее, мне нормально, я готова просидеть здесь хоть целую вечность, если нужно. Только зачем. Я потягиваю через соломинку

воду, Морена пьёт martini. На сцене музыкант готовится к выступлению, настраивает гитару, подходит к микрофону, поёт:

ненавидишь меня... прекраснО...
к чему хранить свои тАины...
всё, что пройдено нами... напрАсно...
разве был над нами... хозЯин...
сам Господь... не идеАлен...
вью пургу... бесконечно кАясь
в забегаловке привокзАльной....
я кошмарю людей... улыбАясь...

...когда... химия ушла... магия ушла...

— Кира, ты не запомнила, как зовут этого музыканта? Нет?

Делаю знак официанту. Когда он подходит, прошу ещё martini и задаю вопрос:

— Скажите, пожалуйста, как зовут этого музыканта? Не знаете? Узнайте, пожалуйста.

Он кивает головой и уходит.

— Что будешь дальше делать? — спрашиваю Киру.

— Поеду в Yakutovo Village к Эмилю.

— Серьёзно? У тебя что, с ним что-то было? Нет?

— Он сказал, что у меня классная задница.

Морена прыснула со смеху. Кира прыснула вслед за ней.

ненавидишь меня... довОльно...
искать в хламе былого... парОли
так решил судья, как ни бОльно...
каждой данности — свои рОли...
апокалипсису — свои зОмби...
одержимости — свои бЕсы...
и попробуй не стань тут злобным...
перечитывая нашу пьесу...

...когда... химия ушла... магия ушла...

Они вышли из кафе за полночь. Морена вспомнила, что так и не узнала имени музыканта. Она вдруг увидела, что чем-то встревоженная Кира запустила руку в сумочку. К ним приближалось пятеро мужчин, потом из них отделился один — мужчина средних лет. Он показал ладони и, уже подходя близко, сказал:

— Доброй ночи. Я разыскиваю моего друга.

Морену трясло. Кира, не вынимая руки из сумочки (ладонь крепко сжимала пистолет), спросила:

— Мы не понимаем, о ком идёт речь.

— Его зовут Эмиль.

Обе переглянулись.

— Он в Yakutovo Village, — ответила Кира.

— О-о, — удивился незнакомец. — Ладно, передавайте ему привет от меня, пусть обращается, если что...

— А как вас зовут? — спросила Кира.

— Меня зовут Барри.

— И ещё... мой вам совет — держаться подальше от этого района, особенно в столь поздний час. Здесь небезопасно.

Они ушли в полумрак. Из кафе вышел музыкант. Морена помахала ему рукой и спросила:

— Вас подвезти?

Он ответил утвердительно.

— Как вас зовут?

— Всеволод. Можно просто Сева.

В нескольких милях от них Эмиль тонул в болоте. «Нет ничего страшнее болот Yakutovo Village», — сказал кто-то. Проезжая опасный участок дороги, его «копейка» соскользнула и ушла в тёмно-зелёную жижу. Он едва успел выбраться, как угодил в новую ловушку — илистое дно. Каждое его движение сулило новое погружение. Кружилась голова от затхлого запаха. Вечерело. Никто не услышит и не увидит, как он пропадёт, исчезнет...

Он услышал: где-то недалеко хлопнула дверь машины, послышались шаги. Он захрипел:

— Осторожней, не поскользнитесь...

— Что?

Мужчина присел на корточки прямо над лицом Эмиля. Ужасно знакомое лицо.

— Не поскользнитесь... — повторил задыхающийся Эмиль.

Мужчина одной рукой схватился за ствол деревца, другую протянул Эмилю.

— Будем знакомы. Я — Шарикофф.

Насильник? — промелькнуло у него в голове.

Эмиль проснулся.

многолюдно сегодня, как никогда...
как не будет еще... сотни лет...
наша суть — кислота... а не вода...
на все беды счастливый в кавычках билет
что ж... пусть мир сотрясает вся эта херня...
клоунадою закончится путь
и ещё... мучитель... больше огня...
брось меня на костёр и забудь

...когда... химия ушла... магия ушла...

****Глава 6. Кира****

В баре было накурено. Эмиль взгляделся в лицо женщины и улыбнулся. Вокруг туда-сюда сновали посетители. Кто-то уже изрядно поднабрался, кто-то только что пришёл и пока излучал неуверенность.

— Какими судьбами?

— У меня уже месяц не было секса, а ты сказал, что у меня классная задница...

— И ты ехала ко мне несколько миль только потому, что я сказал тебе, что у тебя...

Сидящие рядом мужчины оживились.

— Эмиль, давай не теряйся.

— Какая красotka...

— Эмиль, может, расскажешь, где нашёл такую...

— А у вас нет случайно сестры-близняшки?

Эмиль взял Киру за руку и вывел из бара.

— Почему мы вышли? — спросила Кира.

— Потому что ещё чуть-чуть — и завязалась бы драка, — ответил Эмиль.

— Я так не думаю, — парировала Кира. — Мужчины в баре были так любезны.

— Конечно, — кивает Эмиль. — Куда теперь?

— Отвези меня к себе и займись со мной...

Они уснули под утро. Эмиль рассказывал какие-то истории, она с чем-то не соглашалась, до хрипоты спорили друг с другом. Дважды приходили соседи, грозили вызвать милицию, оба трясли милицейскими значками, кричали друг на друга: «Ты арестован(а)!\», убежали в спальню, ныряли под одеяло, неистово занимались любовью.

— Эмиль — ты арестован.

— Кира — ты арестована.

Первым проснулся Эмиль, раскалывалась голова. Рядом, обняв его, лежала Кира. Он, выскользнув из-под неё, выбрался из постели, поплёлся на кухню, шатаясь, открыл дверь холодильника, извлёк оттуда бутылку пива, открыл и жадно присосался.

— И мне, любимый, — послышался голос Киры.

— Уже любимый? Ночью ты до посинения мне доказывала, что не существует никакой любви.

— Сейчас мне надо усыпить твою бдительность, расположить тебя к себе...

— Ты меня всё больше и больше удивляешь, — протягивает ей пиво.

Она жадно пьёт, потом, отдышавшись, говорит:

— Кстати, тебе твой друг привет передаёт.

— Угу, — отвечает Эмиль. Оба жадно делают по глотку.

— Кто ещё?

— Нет, только он один. Барри...

Эмиль захлёбывается.

— Где ты его видела?

— В Coal-тауне.

— Расскажи...

— Мы с Мори ночью вышли из кафе, к нам подошёл незнакомец, сказал, чтобы мы не гуляли в этом районе ночью — это опасно, передавал тебе привет.

— А как ты узнала, как его зовут?

— Я спросила, как его зовут. Он сказал: Барри.

— И всё?

— Всё...

— Это очень опасный человек — он из ХОра.

Эмиль рассказал Кире, как он разрулил дело Морены.

— Эмиль, ты сумасшедший.

— Я знаю. Я блефовал, а теперь авторитет ХОра возрос. Барри, видимо, хочет как-то меня отблагодарить. Отказываться в их среде не принято — это равносильно оскорблению. А принимать подарок не менее опасно — это как собачий ошейник. В общем, мне дали понять, что со мной хотят встретиться.

— А другого пути разрулить дело Морены не было?

— Был. Но органы власти, имея все козыри на руках, отказались арестовывать Шариккофа.

— Значит, мы возвращаемся в Coal-town?

— Никаких «мы» нет, Кира. Ты же сама мне вчера об этом говорила.

— Я просто буду следить, чтобы с тобой ничего не случилось.

— Кира, со мной сейчас быть опасно.

— Эмиль, обещаю, я не буду тебе мешать. Наоборот...

Он поцеловал её в губы.

— Давай сегодня не думать об этом...

****Глава 7. Дана****

Сева, милый, просыпайся, я не хочу, чтобы Эбен прикончил тебя здесь, в моей постели. Я не хочу, чтобы потом все тыкали в меня пальцем и говорили, что я виновна в гибели гения. Слышишь? Просыпайся. О Господи, как всё надоело. Всё одно и то же из года в год, изо дня в день. Ну просыпайся же...

Сева просыпается, садится на кровать, одевается.

— А где моя гитара?

— Там, где ты её оставил, в гостиной, я принесу, — отвечает Дана.

— Дашь мне немного денег, снять комнату и немного на жизнь?

— Конечно дам, только исчезни сейчас же, пока ещё только светает. Я не хочу, чтобы, не дай бог, соседи тебя увидели. — Она суёт ему в руки бумажки.

— Это много, Дана.

— Давай, выметайся...

Идут к двери. Дана выходит на улицу, осматривается, потом жестикулирует Севе. Он выбирается из дома Даны и уходит, исчезая в утреннем тумане.

Она открывает все окна, собирает окурки, бутылки, меняет простыни на кровати, меняет наволочки на подушках. С фонариком бродит по дому, тщательно осматривает каждый угол. Закрывает окна, заправляет постель, идёт на кухню, наливает себе мартини, закуривает, ещё раз обходит весь дом. Возвращается в спальню, тушит сигарету в пепельнице, допивает мартини, ложится в кровать, выключает ночник, закрывает глаза...

Через минуту слышит лязг ключей, чьи-то шаги, приоткрывает глаза, видит силуэт Эбена на пороге спальни. Эбен, постояв с минуту, уходит, идёт в ванную. Несколько секунд тишины — и вдруг жуткий грохот сотрясает дом.

— сука, проститутка, бл...

Приближающиеся шаги.

Эбен врывается в спальню, подходит к ней, берёт её за волосы, стаскивает с кровати, тащит за собой из спальни в ванную комнату. Адская боль, кружится голова, она хрипит, пытается встать на ноги. «Боль» — это всего лишь электрический импульс, передаваемый по нервным волокнам в мозг. Но когда импульс становится постоянным фоном, он перестаёт быть информацией и превращается в само существование. В этом состоянии тело перестаёт быть своим. Он приближает её лицо к разбитому зеркалу и говорит не своим голосом: прочти это вслух.

На разбитом зеркале над умывальником губной помадой её рукой выведено: «Сева — любовь всей моей жизни».

Он тащит её в обратном направлении, только не сворачивает в спальню, а прямо к выходу. Открывает дверь на улицу, выталкивает её и запирает дверь.

Она в нижнем белье бредёт по пустынной улице, как сомнамбула. Сворачивает на Rabochaya Street, видит Севу на автобусной остановке.

****Глава 8. Блейк****

— Как там говорят: увидеть Paris-City и умереть — так, кажется?

— Так, Блейк.

— А у нас говорят: увидеть Coal-town — и забыть дорогу назад — так, кажется?

— Так, Блейк.

— Ну ладно, Эмиль, скажи мне, что француз вроде тебя делает в Coal-тауне?

— То же, что и ты, Блейк.

— Я уже лет десять как местный.

— А я лет тридцать как местный, а так я из Ira Village.

— И всё равно ты не прост, Эмиль, не прост. Там впереди район Глобус начинается, я тебя здесь где-нибудь высажу.

— Что, проблемы с ХОром?

— Бережёного бог береж... Оххх.

Пуля вошла ему в шею.

Эмиль пригнулся. Несколько пуль просвистело над головой.

— На счёт три открываешь свою дверь, а я открываю заднюю дверь, быстро пересаживаешься. — Блейк кивнул. — Раз, два, три. Вперёд...

Они пересаживаются. Блейк плюхается на заднее пассажирское сидение. Эмиль запрыгивает на водительское место. Живой? Ну тогда поехали. Эмиль выжимает газ. «Шестёрка» взмывает, набирает скорость и исчезает за поворотом...

Под пулями они въехали в район Глобуса. Пропетляв, Эмиль остановил машину возле особняка на Lesnaya Street. Блейк лежал на заднем пассажирском сиденье весь в крови.

Через две-три минуты перед ним показался бородач, пригласил въехать в ворота. Бородач сделал знак рукой. Эмиль вылез из машины.

— Барри передал: ты должен немедленно покинуть Coal-town. Кто там у тебя? Зачем ты его притащил сюда, выродка? — он позвонил кому-то. — Сейчас за тобой приедут. И его тоже забирай.

— Ему нельзя, он умрёт.

Бородач махнул рукой, удалился.

Ворота открылись, въехала машина скорой помощи. Человек в балаклаве пригласил Эмиля пересесть. Другой в балаклаве помог Блейку перебраться, уложил его на кушетку, перевязал шею и вколол укол.

Эмиль позвонил Морене из Or-City.

— Мори, это Эмиль.

— Привет, Эмиль. Кое-кто волнуется, передать трубку Кире?

— Кира пусть остаётся у тебя, никуда не выпускать. Сама срочно в Or-City. Адрес я пришлю, когда будешь в пригороде.

— Послушай, Эмиль, ты, конечно, занятой человек, но я не потерплю такого обращения...

«Обращение» — это лишь слово. В мире, где пуля в шее является веским аргументом, все остальные слова теряют вес. Он просто констатировал факт её перемещения в пространстве.

— У меня, блядь, здесь человек умирает... Ты едешь или нет?

Пригород Or-City. Зброшенная промзона.

Белая «Нива» въехала на территорию заброшенного завода. Остановилась. Из-за угла показалась фигура Эмиля. Он быстрым шагом направился к машине.

Морена и Кира вылезли из машины. Кира держала правую руку в сумочке, ладонь сжимая рукоять пистолета, указательный палец — на спусковом крючке.

Он подошёл к ним. Первой нарушила тишину Морена.

— Ты попал в переплёт?

— Мне не привыкать. Со мной абсолютно посторонний человек. Он тяжело ранен в шею. Я нашёл в его карманах немного денег. Морена, нужны ещё деньги. Я потом всё верну.

— Сколько?

— Тысяч десять, сколько есть...

— Семь. Больше нет.

— Пусть будет семь.

— Ты не мог всё это по телефону решить? Стоило из-за этого мне сюда ехать?

— Ты врач. Я прошу тебя сделать ему операцию, извлечь пулю и побыть с этим человеком.

— Нет.

— Давай я побуду, — вмешалась Кира.

— Кира, нужен врач, иначе он умрёт.

— Ладно, вы решайте сами эту проблему, я возвращаюсь в Coal-town.

— Мори, чтобы решить твою проблему, Эмиль, рискуя своей жизнью, поневоле стал должником ХОра. Мы вернулись в Coal-town не для того, чтобы развлекаться. Это всё отголоски твоего дела. Мы не хотели тебе этого говорить.

Морена задумалась.

— Хорошо. Эмиль. Извини. Я остаюсь.

****Глава 9. Сева****

— Морена, привет! Это Сева. Ты меня как-то подвозила из кафе, ну и так далее.

— О-о, Всеволод, привет! Конечно, помню. «И так далее» тоже помню.

— Слушай, ты не одолжишь мне немного денег? Я тут... в общем, очень нуждаюсь. Я верну в течение месяца.

— Вы что, сговорились все?

— Я ни с кем не сговаривался...

— Сколько?

— Что?

— Сколько тебе надо? Тысячу, две, четыре?

— Да нет, что ты, баксов двести-триста.

— Сколько? Послушай, Сева, а ты не хочешь заработать? Надо с одним больным посидеть неделю, максимум две... Плачу тысячу в неделю.

— Было бы неплохо.

— Отлично. Ты ведь работал фельшером?

— Ну так проходил подготовку, когда был геологом.

— Отлично. Я тебе скину адрес и деньги. Садись на поезд, приезжай в Or-City.

— Я не один...

— Ну конечно. Слушай, Сева, а не пошёл бы ты... Ладно... Я тебе скину деньги, только езжай поскорее — с кем хочешь. А то я тут с ума сойду.

— С кем это ты? — спросила Дана.

- С одной знакомой.
- Мне стоит беспокоиться?
- Конечно, нет. Мне предлагают двухнедельную работу.
- Неплохо, милый. А обо мне ты случайно не подумал?
- Конечно. Мы едем вместе.
- Дана оживилась, скинув одеяло, обнажила свои ноги. — Куда, если не секрет?
- В Or-City.

Она поцеловала меня в губы.

- Сева, ты потрясающий мужчина.
- А с документами как быть?
- Завтра пойду заберу документы.
- Хорошо бы сегодня.
- Хорошо, сейчас заберу. Вызови такси, пожалуйста.

Её не было полчаса. Она вернулась в приподнятом настроении, рассказала, как Эбен ползал в ногах, пытался всучить ей какую-то ювелирку, потом смирился, клялся в вечной любви, что никогда больше не поднимет на неё руку. Узнав, что Дана едет в Or-City по работе, дал ей пять тысяч с формулировкой: «Ни в чём себе не отказывай».

Я походил, подумал, а потом предложил: может быть, никуда не поедем?

Она завелась.

- Как ты можешь так говорить? Твои песни для меня — как глоток свежего воздуха в мире, где всё провоняло. Две недели в Or-City после смрада Coal-тауна, вечерние концерты...
- Стоп, я не говорил про концерты.

Но она уже не слушала. Рисовала в своём сознании радужные картинки.

прекрасное время ДЛЯ-ТРИллера... когда-ожидание-чуда-как-МИР... стаРО...

аморфные обыватели... не ведают-что-ты-рядом-СПИШЬ в меТРО...

скрывая душевные мУки... подобно русской матрЁшке

была влюблена как кОшка... (была влюблена как) кОшка

куришь в постели... чувственно... наследница-Атлантиды-ГДЕ... твой свЕТ

а-был-ли-КТО-в-твоей жизни... да... и нет... а если и был-остЫЛ... ЕГО слЕД

скрывая душевные мУки... подобно русской матрЁшке

была влюблена как кОшка... (была влюблена как) кОшка

Глава 10. Гузель

Это были незабываемые дни. Дни радости и покоя. Не надо было играть никакую роль. Не надо было срывать зло ни на ком. Я просыпалась ранним утром и шла на пляж. Я окунала в море своё непокорное тело. Я училась жить. Училась прощать себя саму. Я понимала, что большая часть моей жизни позади. Что многого не исправить. Но я смотрела на небо. Небо не отводило взгляда. Значит, либо я прощена, либо это просто индифферентность физического вакуума, который мы по недоразумению называем «небом», либо я перешла на новый уровень.

Однажды, вернувшись с пляжа, я вдруг обнаружила, что бунгало, которое я снимаю, занято. Я вошла внутрь, увидела раненого мужчину, истекающего кровью, лежащего на столе.

Возле стола стоял вооружённый мужчина, я его помню по кухонным посиделкам в 60-х, кажется, его зовут Мишель.

— Меня зовут Эмиль, — поправляет он.

— Да, конечно же, Эмиль, вижу — вы вооружены, возможно, прекрасно владеете оружием, но вас что, не учили извлекать пули из тела? А если бы я вернулась поздно вечером, вы бы так и стояли? Только человек бы уже умер. Кто вам сказал, что я врач?

— Пробили по базе.

— Я психиатр, а не хирург.

За раненым требуется уход две-три недели. Я не собираюсь быть сиделкой.

За аренду бунгало — три тысячи в неделю.

Быть сиделкой — настоящий ад, — вспоминает Морена, даже если это моя прошлая любовь — Блейк. Не буду описывать, как я себя чувствовала эти три с половиной дня. Но у меня остался один вопрос к Творцу: Господь, когда ты творил Гузель, какую цель ты преследовал? Чтобы что?

Такое «интересное» существо я видела в своей жизни первый раз.

Красивая, где-то даже податливая, женщина. Но как только она открывала свой рот, у меня срабатывал рвотный рефлекс:

«Морена, передайте, пожалуйста, перечницу. Да не эту — вон ту, с красной ручкой. Какая вы нерасторопная. Вас что, не учили, как обращаться с бытовыми приборами? Эти ложки не надо мыть, потому что вот эту вилку я привыкла класть вот так, а вы смешиваете её с остальными вилками — а так неправильно. Кто вам сказал, что суп необходимо помешивать по часовой стрелке? Как раз наоборот. Вы что, не слышите? Если задуматься, все ингредиенты бульона — это яд, поэтому его и рекомендуют давать больным. Или наоборот. Ну что вы кричите на меня в моём доме? Нет, всё-таки следует сдать вас милиции. Ну что же мне делать, Мори? Жизнь проходит, а я так и не встретила любовь всей моей жизни. Иногда так тошно становится — хоть на стенку лезь. Только ты меня одна понимаешь. В тебе я вижу поддержку. Тебя одну я люблю — платонически, не подумай чего. Да и то: вчера звоню тебе узнать, как там ты, как там наш пациент, а ты отстранённым голосом говоришь: «Алло». Я к тебе с душой — а ты «алло». Лучше бы сразу послала меня на хуй — я бы всё поняла. Но вот это твоё «алло» просто добило меня...»

****Глава 11. Дана****

Мы в Or-City. Скучнейшее место на земле. Какая-то суета, люди снуют туда-сюда, никто не обращает ни на кого внимания. Никто не видит меня. Я часто смотрюсь в зеркальце, чтобы убедиться, что со мной всё в порядке. Роковая красотка смотрит на меня вызывающим взглядом. «Вызывающий взгляд» — это просто сокращение определённой группы лицевых мышц, сигнализирующее о готовности к спариванию или конфликту. В её случае эти два понятия были неразделимы.

Мы стоим, кого-то ждём на центральной площади. Я засыпаю, сажусь на скамейку и вырубаясь. Просыпаюсь — на меня смотрит чертовски обаятельная брюнетка.

— Морена, ты что ли?

— Дана, ты не меняешься.

Пойдём, здесь недалеко. Сева поехал за вещами.

Плыву за ней, как зомби. Едем на автобусе несколько остановок. Мы внутри дома. Сева уже здесь. На тахте лежит раненый мужчина средних лет. Блейк?

Чтобы это всё значило?

Суется ещё одна приятная женщина, чуть старше меня. Ну хоть женщины здесь красивые.

— Сева, я не понимаю, что происходит.

— Дана, раненый человек — важная шишка. Мы должны присмотреть за ним, пока он не очнётся.

— Блейк важная шишка? Сева, я тебя ненавижу. Зачем ты притащил меня сюда?

— Дана...

— Мори, ты уезжаешь? Я с тобой в Coal-town. Пошёл к чёрту, Сева. Ты неудачник.

— Дана, не надо, — вмешивается Морена. — Сева талант, такие рождаются раз в столетие.

— И в постели, Сева, ты никакой — ни разу не довёл меня до оргазма.

— Дана, не надо... В постели Сева хорош. Зачем ты так?

— Сева, ты спал с ней? Ты спал с Мореной? Как ты мог? Я тебе доверяла.

— Это было до тебя, Дана.

— Всеволод, что ты оправдываешься перед ней? Она об тебя ноги вытирает, — вмешивается Гузель.

— А ты откуда взялась? Стояла, молчала, а теперь вылупилась. Сева, ты и с ней спал тоже?

— Послушай, куколка, ты в моём доме, не забывайся. Кажется, ты хотела в Coal-town? Проваливай отсюда.

— Рот свой закрой и не указывай...

— Тихо! — закричала Морена. — Блейк очнулся.

Все притихли.

Блейк осматривал всех холодным, стеклянным взглядом. Дана встала на колени, приблизила своё лицо к его лицу и спросила полушёпотом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.